
РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Елена Папанова

В ПОИСКАХ РЕСУРСОВ: ПОЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ

Римашевская Н. М. (ред.) (2014) Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России, М.: Экономическое образование, 212 с. ISBN 978-5-7425-0174-9.

Старение населения, в условиях которого в XXI в. развивается большая часть мира, ставит перед обществом ряд новых задач. Прежде всего, данное явление воспринимается как серьезная социально-экономическая проблема. Рост количества людей пожилого возраста, и их доли в общей численности населения, вызывает опасения, что, наряду с повышением расходов на пенсионное обеспечение, удовлетворение потребности в медицинской помощи увеличит нагрузку и на систему здравоохранения (United Nations 2015). Одно из решений этих проблем заключается в продлении «активного возраста», то есть большей включенности пожилых людей в экономические и социальные процессы (Bloom et al. 2011). Старение населения не обходит стороной и Россию. В поисках оптимальной системы пенсионного обеспечения вопрос об экономическом и социальном потенциале старшего поколения как никогда актуален. Коллективная монография «Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России» посвящена целому ряду вопросов, касающихся пожилого населения. В частности, рассматриваются демографические аспекты старения населения, особенности состояния здоровья в пожилом возрасте, социально-экономические характеристики пожилого населения, а также

Елена Константиновна Папанова – аспирантка кафедры демографии НИУ ВШЭ, аналитик отдела демографии ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», Москва, Россия. Электронная почта: erapanova@hse.ru

социально-психологические аспекты, качество жизни и представленность пенсионеров на рынке труда.

Авторы книги начинают с обзора различных подходов к классификации возрастных групп, и особенностей определения пожилого возраста в целом. Приводится концепция перспективного возраста, в рамках которой за точку отсчета берется не хронологический возраст (количество прожитых лет), а количество лет, которые в среднем предстоит прожить в соответствии с достигнутым уровнем ожидаемой продолжительности жизни. Такой подход в настоящее время входит в оборот в современных исследованиях старения населения, наряду с традиционными показателями (доля населения определенного возраста в общей численности населения, средний возраст населения, коэффициенты демографической нагрузки, коэффициент потенциальной поддержки пожилых). С ростом ожидаемой продолжительности жизни использование перспективного возраста в качестве индикатора позволяет более глубоко анализировать изменения в структуре населения, и эффективнее прогнозировать социально-экономические процессы (Sanderson, Scherbov 2007).

В заключении первого раздела авторы справедливо указывают, что классификация возраста должна учитывать демографические и социально-экономические изменения, происходящие в обществе. Далее приводится краткий анализ старения населения в России и региональной дифференциации этого процесса, опирающийся только на традиционные показатели (доля и численность населения старше трудоспособного возраста). Учитывая значительную региональную дифференциацию по показателю смертности в России, дополнение книги анализом альтернативных показателей старения представляло бы значительный интерес, особенно в динамике и в сравнении с другими развитыми странами. Также стоило уделить внимание сопоставлению особенностей старения населения в России по хронологической и перспективной шкале (Вишневский 2009). Оправданным это представляется и относительно обсуждаемой политики пенсионного обеспечения, ключевым вопросом которой является повышение границы пенсионного возраста, что, помимо экономических соображений, должно быть обоснованно и с социально-демографической точки зрения. Примечательна дискуссия по этой тематике среди российских исследователей. Ряд авторов указывают на отсутствие серьезных препятствий (в том числе демографических) к повышению пенсионного возраста (Малева, Синявская 2010). В других работах, посвященных данному вопросу, было показано, что по степени демографического старения и уровню здоровья Россия отстает от других развитых стран, и введение подобной меры не имеет демографических оснований (Вишневский и др. 2012).

Особенности российской ситуации иллюстрирует глава «Парадоксы старения населения России». Она начинается с указания на то, что процесс старения в России определяется низкой рождаемостью и высокой

смертностью, в отличие от большинства развитых стран, где оно определено увеличением продолжительности жизни. Этот вопрос является принципиальным не только с точки зрения изучения особенностей старения населения как такового, но и с точки зрения подхода в социально-экономической политике по отношению к пожилому населению. При старении снизу, когда рост доли и численности пожилого населения происходит исключительно за счет снижения рождаемости, реализация концепции «активной старости» невозможна, поскольку старение населения в данном случае не сопровождается положительными изменениями здоровья и продолжительности жизни пожилого населения. Это, в свою очередь, означает, что роль старшего поколения не изменяется, и не позволяет продлить период активной социально-экономической и трудовой деятельности.

В России длительный период развития характеризовался отсутствием какого-либо значимого прогресса в снижении смертности. С конца 1950-х гг. до начала антиалкогольной кампании ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин снизилась не более чем на год, и немного выросла у женщин. При этом ожидаемая продолжительности жизни в возрасте 20 лет демонстрирует худшую динамику: показатель у мужчин снизился более чем на 3 года, снижение было отмечено и у женщин. Среди населения пожилого возраста также наблюдались негативные тенденции: если в 1959 г. мужчинам по достижении 65 лет предстояло прожить 12,7 лет, а женщинам – 15,9 лет, то в 1984 г. – 11,4 и 15,3 года соответственно (Human Mortality Database 2016). 1990-е гг. были ознаменованы более резкими изменениями, которые привели к еще большему снижению показателя. Таким образом, на протяжении более чем 30 лет динамика ожидаемой продолжительности жизни в России характеризовалась тенденцией к снижению, в разной степени выраженной среди различных половозрастных групп (Human Mortality Database 2016).

Как отмечают авторы, «в настоящее время ситуация со смертностью в стране несколько улучшилась, но коренного перелома пока не происходит» (С. 22). Однако, несмотря на сохраняющийся низкий по сравнению с развитыми странами уровень дожития до пенсионного возраста и высокий уровень смертности, для процесса старения населения все же важны происходящие в последнее десятилетие изменения в продолжительности жизни. С 2005 г. наблюдается устойчивый рост продолжительности жизни при рождении (а в возрасте 65 лет – с 2003 г.). Учитывая, что несколько предыдущих десятилетий улучшений не происходило, рост показателя на протяжении 10 лет является прогрессом, хотя и не отменяет того факта, что уровень продолжительности жизни остается низким по сравнению с другими развитыми странами. Кроме того, появление признаков старения сверху (старения в результате снижения смертности и как следствие большего дожития до старшего возраста) само по себе не гарантирует увеличения ресурсов в пожилом возрасте. Для этого необходимо увеличение не только

продолжительности жизни в целом, но и продолжительности здоровой жизни. Как правило, два этих процесса взаимосвязаны, однако, эти изменения не всегда происходят синхронно (Вишневецкий и др. 2012).

Стоит отметить также тезис авторов об угрозе негативных тенденций в смертности женщин. Они пишут о росте смертности женщин, который отмечался в период реформ (по всей видимости, имеется в виду период 1990-х гг.): «Эти тенденции говорят о возможном сокращении в ближайшей перспективе разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин по самому неблагоприятному сценарию: за счет роста смертности в женских когортах» (С. 22). Подобные тенденции действительно отмечались в период 1991–2003 гг., однако, с 2003 г. не происходило негативных изменений в уровне смертности. Более того, с 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении достигла максимальных значений с 1959 г. Подобная тенденция с 2013 г. намечается и у мужчин. Эту границу можно рассматривать как критическую точку в развитии российского общества, хотя возвращение на когда-то достигнутый уровень действительно еще не означает «коренного перелома». Впрочем, последний раз этот уровень был краткосрочно пройден в период антиалкогольной кампании, а значит не вполне справедливо сравнивать тот прирост с современным, поскольку он не был вызван изменением определяющих поведенческих и иных факторов. До этого (если говорить про мужчин) сопоставимый уровень ожидаемой продолжительности жизни был отмечен в 1964 г., после чего происходит длительное снижение показателя. Вопрос о том, окажется ли современная тенденция к росту достаточно устойчивой в дальнейшем, чтобы окончательно преодолеть эту символическую границу, остается открытым.

В монографии, применительно к концепции «третьего» и «четвертого» возраста, делается акцент на понятии «ресурсного потенциала». Это понятие, как указывают авторы, включает в себя комплекс характеристик пожилых людей, и дает возможность, в частности, отнести того или иного индивида к «третьему» и «четвертому» возрастам. Авторы определяют составляющие предложенного понятия: «Основными структурными элементами ресурсного потенциала являются: здоровье, образовательно-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный потенциалы» (С. 23). Отмечается важность оценки ресурсного потенциала и приводятся оценки, согласно которым, среди городского населения, более чем у 4–5% неработающих пожилых в возрасте старше 60 лет сохраняются ресурсы, у работающих же в этом возрасте он в два раза выше (С. 24). Следует отметить, что в более ранних публикациях авторов встречается иная оценка: 19–20% среди неработающего пожилого населения, и, аналогично, вдвое выше среди работающих пожилых людей (Доброхлеб 2008).

Несмотря на подробное описание составляющих «ресурсного потенциала», хотелось бы увидеть также перечень конкретных показателей, позволяющих проводить подобные оценки. В частности, здоровье, которое ставится авторами по важности на первое место, может измеряться целым

комплексом показателей, начиная от ожидаемой продолжительности жизни, ожидаемой продолжительности здоровой жизни, результатами биомедицинских тестов (напр., Shkolnikova et al. 2009), заканчивая самоопределением здоровья по результатам опросов населения. Однозначная методика оценки «ресурсного потенциала» могла бы быть весьма востребована, в том числе, в научном сообществе.

В заключение, и возвращаясь к дискуссии об обоснованности повышения пенсионного возраста в России, отметим позицию авторов по данному вопросу. Как указано в монографии, в силу снижения здоровья у мужчин после 60 лет и у женщин после 55 лет, продолжение трудовой деятельности приведет к ухудшению качества жизни, соответственно, данная мера рассматривается как необоснованная (С. 112). Было бы весьма интересно увидеть не столь формальную оценку роли старшего поколения как ресурса дальнейшего социально-экономического развития. Так или иначе, вопрос о казуальной связи здоровья и работы в пожилом возрасте не так однозначен (Jokela et al. 2010), к тому же часть пожилого населения, пусть и неопределенная, все же сохраняет ресурсный потенциал и желание работать.

Список источников

Вишневецкий А. Г., Васин С. А., Рамонов А. В. (2012) Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни. *Вопросы экономики*, (9): 88–109.

Вишневецкий А. Г. (ред.) (2009) Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад, М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.

Доброхлеб В. Г. (2008) Ресурсный потенциал пожилого населения России. *Социологические исследования*, (8): 55–61.

Малева Т. М., Синявская О. В. (2010) Повышение пенсионного возраста: Pro et contra. *Журнал Новой экономической ассоциации*, (8): 117–137.

Bloom D., Boersch-Supan A., McGee P., Seike A. (2011) Population Aging: Facts, Challenges, and Responses. *PGDA Working Paper*, (71).

Human Mortality Database (2016) *Russia Complete Data Series*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/АЕ6п4> (дата обращения: 14 апреля 2016).

Jokela M., Ferrie J., Gimeno D., Chandola T., Shipley M. J., Head J., Vahtera J., Westerlund H., Marmot M. G., Kivimäki M. (2010) From Midlife to Early Old Age: Health Trajectories Associated with Retirement. *Epidemiology*, 21 (3): 284–290.

Sanderson W., Scherbov S. (2007) A New Perspective on Population Aging. *Demographic Research*, 16 (2): 27–58.

Shkolnikova M. A., Shalnova S. A., Shkolnikov V. M., Metelskaya V., Deev A. D., Andreiev E. M., Jdanov D., Vaupel J. W. (2009) Biological Mechanism of Disease and Death in Moscow: Rationale and Design of the Survey on Stress Aging and Health in Russia (SAHR). *BMC Public Health*, 9: 293.

United Nations (2015) *World Population Ageing Report*, New York: United Nations.

REVIEWS, OVERVIEWS

Elena Papanova

IN SEARCH OF RESOURCES: ELDERLY POPULATION OF RUSSIA

Rimashevskaya N.M. (ed.) (2014) Starshee pokolenie kak resurs social'no-jekonomicheskoy modernizatsii Rossii [The Older Generation as a Resource for Socio-Economic Modernization of Russia], Moscow: Economic Education, 212 p. ISBN 978-5-7425-0174-9.

References

Bloom D., Boersch-Supan A., McGee P., Seike A. (2011) Population Aging: Facts, Challenges, and Responses. *PGDA Working Paper*, (71).

Dobrokhleb V. G. (2008) Resursnyy potentsial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource Potential of Elderly Population in the Russian Federation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (8): 55–61.

Human Mortality Database (2016) *Russia Complete Data Series*. Available at: <https://clck.ru/AE6n4> (accessed 14 April 2016).

Jokela M., Ferrie J., Gimeno D., Chandola T., Shipley M. J., Head J., Vahtera J., Westerlund H., Marmot M. G., Kivimäki M. (2010) From Midlife to Early Old Age: Health Trajectories Associated with Retirement. *Epidemiology*, 21 (3):284–290.

Maleva T.M., Sinyavskaya O. V. (2010) Povyshenie pensionnogo vozrasta: Pro et contra [Pension Age Increase: Pro et Contra]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [New Economic Association Review], (8): 117–137.

Sanderson W., Scherbov S. (2007) A New Perspective on Population Aging. *Demographic Research*, 16 (2):27–58.

Shkolnikova M. A., Shalnova S. A., Shkolnikov V. M., Metelskaya V., Deev A. D., Andreev E. M., Jdanov D., Vaupel J. W. (2009) Biological Mechanismus of Disease and Death in Moscow: Rationale and Design of the Survey on Stress Aging and Health in Russia (SAHR). *BMC Public Health*, (9):293.

United Nations (2015) *World Population Ageing Report*, New York: United Nations.

Vishnevskiy A. G. (ed.) (2009) *Naselenie Rossii 2007: Pyatnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Russian Population: Seventeenth Annual Demographic Report], Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshey shkoly ekonomiki.

Vishnevskiy A. G., Vasin S. A., Ramonov A. V. (2012) Vozrast vykhoda na pensiyu i prodolzhitel'nost' zhizni [Retirement Age and Life Expectancy in the Russian Federation]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], (9): 88–109.

Elena Papanova – Post-graduate student of the Department of Demography of NRU HSE, analyst of Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Moscow, Russian Federation. Email: epapanova@hse.ru